

Т.С.ЛЫЩИК

**УЗНИК
ВООБРАЖЕНИЯ**

18+

Тимофей Лыщик

Узник воображения

«Автор»

2026

Лыщик Т.

Узник воображения / Т. Лыщик — «Автор», 2026

Шестнадцатилетний Джонатан живет в уединенной детской деревне штата Массачусетс. Одинокий и замкнутый, он всегда держался в стороне от сверстников, а его единственной отдушиной был невероятный талант к рисованию. Всё меняется, когда в лесной глуши он натывается на заброшенную церковь и встречает там загадочного незнакомца. Тот предлагает мальчику сделку: Джонатан должен каждый день изображать на бумаге сюжет своего следующего дня и оставлять рисунки в храме. Ритуал срабатывает — пророчества сбываются, а нарисованные им люди материализуются в реальности, даря герою долгожданных друзей. Но у любого чуда есть обратная сторона. Контракт оборачивается проклятием: если Джонатан не успеет завершить картину до заката, его следующий день просто не настанет. Существует ли это проклятие на самом деле, или Джонатан стал заложником пугающих игр собственного сознания?

© Лыщик Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Тимофей Лыщик

Узник воображения

Глава

Округ Эссекс встретил Джонатана серым, плоским небом, которое, казалось, подпирали только верхушки сосен. Воздух здесь был совсем другим — густым, соленым, пропитанным йодом с океанского побережья и сладковатой гнилью прелой хвои. В глубине штата, на старой ферме, все было иначе. Там небо звенело от пустоты и высоты, но та жизнь оборвалась в дождливом августе.

Отец никогда не возил рожь на хорошую мельницу — не на что было. В то сырое лето колосья на их блеклом поле потемнели, покрывшись уродливыми, изогнутыми рожками спорыньи. Мать пекла хлеб сама, тяжелый и горьковатый. Яд копился в них неделями. Джонатана спасла лишь вечная тошнота — из-за врожденной хвори он едва притрагивался к еде, выплевывая все, кроме пустой овсянки на воде. Родителей же не стало за семь дней.

Джонатан до сих пор просыпался от чужого крика. Мать билась на полу, раздирая ногтями собственную грудь и истошно воя, что под кожей у нее копошатся миллионы огненных муравьев. Отец умирал молча, глядя в потолок почерневшими, сухими пальцами и шепча имена святых, которых Джонатан никогда не находил в домашней Библии.

Окружные чиновники заполнили бумаги, и Джонатана увезли. Он оказался в «детской деревне» — образцовом приюте, спрятанном среди вековых массачусетских лесов. Детей здесь селили небольшими группами в аккуратные домики из красного кирпича под надзор нанятых «матерей». Но образцовые стены не спасали от глухой изоляции. Другие мальчишки из коттеджа шарахались от него как от зачумленного. Стоило Джонатану приблизиться к крыльцу, где они резались в ножички или шумно спорили о бейсбольных карточках, как смех обрывался. Подростки переглядывались, шептались и пятились в тень. «Чокнутый», — летело ему в спину.

Он не понимал, чем заслужил это. Мир вокруг оглушал его, он был слишком громким, резким, а человеческие лица рассыпались на хаотичный, пугающий набор черт. Джонатан просто не умел собирать их в чужие эмоции. Больше всего на свете он мечтал о друге — чтобы кто-то просто посидел с ним рядом на траве. Но чужая жизнь подчинялась сложным, невидимым правилам, которые ему никто не объяснил. Разум сироты цеплялся за другое: за безупречную геометрию линий, шершавые текстуры и едва уловимые переходы оттенков. Трещину на кирпиче, узор древесной коры или переплетение нитей на чужом рукаве он запоминал мгновенно — и эта точность пугала его самого.

В свои шестнадцать Джонатан выглядел диким, неприкаянным зверенышем. Из-под козырька старой кепки лезли отросшие черные пряди — он люто ненавидел, когда чужие руки приближались к его голове с грохочущими ножницами. Худощавый, среднего роста, в вечно поношенных куртках с чужого плеча. Его бледное лицо казалось застывшей маской, а глубокие темно-зеленые глаза никогда не смотрели в лицо собеседнику. Они всегда бежали в сторону — скользили по носкам ботинок, разглядывали выступы на фундаменте или считали стыки оконных рам.

Пытаясь пробить глухую стену отчуждения, Джонатан делал то, что казалось ему правильным. В его голове это были подарки. Подношения, способные зацепить, удивить, заставить других мальчишек наконец заметить его. Сначала он приносил из леса придушенных птиц. Он аккуратно, перышко к перышку, раскладывал их хрупкие, еще теплые тела на пороге коттеджа и ждал восхищения. Но его не было. Тогда он зашел дальше. На опушке Джонатан наткнулся на мертвую бродячую собаку. Стервея от тяжести, он приволок окоченевший труп к дому и

натянул веревку, подвесив пса за шею к толстому суку старого дуба — прямо напротив окон пацанской спальни. Он искренне верил, что они оценят его силу. Оценят добычу, прибегут, похлопают по плечу и позовут в игру. Вместо этого утро взорвалось истошным, визгливым криком воспитательницы. А потом Джонатан увидел их глаза — в них застыл такой дикий, ледяной ужас, какого он не видел даже у умирающей матери. После этого с ним перестали здороваться. Директор приюта молча перекрестился и выделил ему крошечную каморку на чердаке, подальше от остальных.

Одиночество выталкивало его наружу, прочь из душных стен. Джонатан любил места, где не нужно было притворяться нормальным. В тот день он ушел дальше обычного. Оставив позади аккуратные дорожки «детской деревни», он перемахнул через прогнивший забор и углубился в старый бор. Подошвы ботинок глухо тонули в толстом, пахнущем сыростью слое хвои. Лес стремительно густел, колючие ветки дергали за рукава старой куртки, но он упрямо шел вперед.

Минут через тридцать сосны расступились. Перед Джонатаном вырос холм, густо заросший диким, цепким терновником. А на самой его вершине темнел массивный деревянный остов старой церкви. Ее срубили еще в позапрошлом веке. Обшивка из досок почти почернела от времени и вечных массачусетских дождей, а высокие узкие окна были наглухо, крест-накрест, заколочены серыми от старости досками.

Джонатан осторожно поднялся по склону. Массивная дубовая дверь молельного зала оказалась приоткрыта. Он боком протиснулся в узкую щель. Внутри пахло прелой бумагой, мышиным пометом и застарелым тленом. Часть крыши давно обвалилась, и сквозь рваную дыру падали косые лучи полуденного солнца. Они разрезали полумрак, подсвечивая столбы кружащейся пыли. Джонатан медленно пошел по центральному проходу. Пальцы скользили по шершавому, изъеденному жучками дереву скамей. Здесь царила давящая, мертвая тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.